

9. Эддисон

Меня будит шум льющейся воды в душе. Неуклюже переворачиваюсь, чтобы взглянуть на часы, которые Гэбриел оставил на своем ночном столике. Шесть утра. Почему так рано, сегодня же суббота? Галерея откроется только в одиннадцать, и в выходные он обычно отсыпается. Шум воды умолкает, и через минуту Гэбриел выходит из ванной с полотенцем вокруг бедер. Он приближается к кровати и наклоняется поцеловать меня, на груди еще блестят капли воды. Я приподнимаюсь, обнимаю его за шею и торс и со смехом тяну обратно в постель.

— Ты почему так рано встал? — спрашиваю я, уткнувшись носом ему в ухо.

— Не спится.

Он долго целует меня в губы, обвивает рукой мою талию и прижимает к себе.

— Хотя, если подумать, вернусь-ка я в кровать.

Мы занимаемся любовью, я наслаждаюсь слиянием наших тел, он высок, силен и атлетичен, и в его руках я чувствую заботу и защиту. Потом мы просто лежим, переплетаясь друг с другом, и он понемногу засыпает. В такие минуты мне спокойно и наконец-то не одиноко — то, о чем еще полгода назад я и мечтать не могла. День, когда Гэбриел вошел в фотомагазин «Экспозиция», где я работаю, изменил все. Было что-то привлекательное в том, как непринужденно он прохаживался по магазину и разглядывал оборудование, а может быть, в открытой и теплой улыбке, с которой он подошел к прилавку.

- Здравствуйте, — сказал он.
- Добрый день. Чем я могу вам помочь?
- Хочу купить новый фотоаппарат. Беззеркалку.
- Пойдемте покажу.

Он изучил несколько моделей с футляром и выбрал Sony A7. По дороге к кассе я спросила, для чего он собирается использовать камеру. Я редко вступаю в разговоры с посетителями, но в Гэбриеле было нечто располагающее к беседе.

— Вообще-то мне нужно фотографировать произведения искусства. Я управляю семейной галереей, пообещал потенциальному покупателю из Калифорнии снять одну картину, а старая камера не справляется.

- Ясно, — сказала я. — А что за галерея?
- «Оливер» на Второй улице. Может, вы слышали.
- Была там. У вас есть замечательные вещи.

Тогда он посмотрел прямо на меня, и я заметила, какое у него красивое лицо — темно-карие глаза и полные губы. Почувствовав, как кровь приливает к лицу, я опустила глаза на терминал для карточек.

— Наверное, меня не было в тот день, когда вы заходили, — сказал он. — Я бы вас точно запомнил.

Я пожала плечами и ответила ему равнодушным взглядом, от волнения не в силах говорить.

- Вы фотограф? — спросил он.

К своему ужасу, я снова залилась краской.

— Не совсем. В смысле не профессионал. Просто люблю фотографировать. Вот, например, мои фото.

Я показала на серию пейзажей на стене.

Гэбриел подошел к ним и некоторое время внимательно рассматривал каждое, потом повернулся ко мне.

— Поразительно, какие вещи вы улавливаете.

— Они все о начале чего-то. О перемещении с места на место. Вот что я вижу в объектив.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, что-то в выражении его лица переменялось.

— Вы сегодня заняты в обед, мисс... как ваше имя?

— Эддисон. Эддисон Хоуп. Я не занята в обед.

Так все началось, и, не буду лгать, первое время мне было до смерти страшно. После приезда в Филадельфию я не встречалась ни с кем. Что мне говорить о себе? Что я женщина без прошлого, которой не известно ничего ни о себе самой, ни о родных? Гэбриел наверняка решит, что я какая-нибудь психопатка, и тут же сбежит. Но все получилось совсем не так. В тот день, после обеда, в течение которого мне удавалось обходить личные вопросы, мы договорились поужинать в субботу, и я поняла, что тогда придется все рассказать.

Он повел меня в аутентичный французский ресторан с мягким освещением и маленькими столиками. Свечи, вино, красивый мужчина напротив — все обещало самый романтичный ужин в моей жизни, хотя я подумала, что сравнивать мне, по сути, не с чем.

Наш разговор в тот вечер я помню почти слово в слово. Когда я сказала ему, что помню свою жизнь только за последние два года, он заметно растерялся.

— Не уверен, что верно понял вас. Вы не знаете, кто вы такая?

— Именно.

— А имя? Вы же помните свое имя.

— Нет. Мм... имя я придумала, — соврала я. — Эддисон Хоуп.

— Мне нравится. Особенно фамилия. Вы терпите лишения, но у вас есть надежда².

Он потянулся через стол и на секунду сжал мне руку. Это было сильное рукопожатие, дающее чувство безопасности.

— Есть. Но это не так просто. Иногда накатывает такое одиночество, будто у меня никого нет в этом мире. Я пытаюсь представить, каково это — иметь отца и мать, братьев и сестер, жить в семье. Потом думаю, что, может быть, где-то у меня есть родные, и они гадают, где я и что со мной произошло.

— Уверен, когда-нибудь вы это выясните. Трудно вообразить, каково вам приходится, но вы настоящая — вот здесь, — Гэбриел прижал руку к сердцу и наклонился ближе. — Я знаю, вы хороший человек. Это сразу видно.

— Почему вы так думаете?

— Нутром чую. И знаете, что еще? Я думаю, нам с вами суждено было встретиться.

Я вскинула брови.

Он снова взял меня за руку.

— Меня потянуло к вам, как только я вошел в магазин. Обычно я хожу в другой, но его как раз ограбили накануне ночью, и они закрылись. Я не случайно к вам забрел. Это было предначертано.

Я зажмурилась и начала тереть себе виски. В голове роились тысячи разных мыслей, и я уже боялась, как бы она не лопнула. Что происходит? Я остановила себя и попыталась мыслить трезво.

— Вы ничего обо мне не знаете — ни из какой я семьи, ни что делала в прошлом. Я же могу оказаться кем угодно.

---

² Хоуп (англ. hope) значит «надежда».

Преступницей, например. Не уверена, что вы захотите разбираться. Это и мне тяжело.

— Не имеет значения. Важно, кто вы сейчас. А сейчас вы прекрасная, умная, милая женщина. Не бойтесь меня. Давайте я буду тем, кто у вас *есть* в этом мире.

И я сдалась ему и головокружительному роману. С того дня мы почти все время проводили вместе. Он снимал квартиру в отреставрированном здании XIX века в Фиштауне, и когда я поехала туда в первый раз, то очень удивлялась необычному названию района³. Гэбриел объяснил, что название дано в честь первопоселенцев-рыбаков. Скоро я изучила эти яркие богемные кварталы: сплошные быстро и знаменитые рестораны, места, где можно наслаждаться музыкой или живописью. Мы стали проводить у него дома все больше времени, и я оценила его такт: он понимал, мне нужно время, чтобы принять происходящее. О сексе сначала и думать было страшно. Соображу ли я вообще, что нужно делать? А шрамы, ведь я больше не смогу их прятать? Но Гэбриел был терпелив и деликатен, и когда это случилось в первый раз, мои страхи как рукой сняло. Все было так естественно, и я чувствовала себя оберегаемой и желанной.

После помолвки он предложил мне переехать к нему, но я не смогла, хотя часто ночевала у него, вместо того чтобы возвращаться к Эду и Джиджи. Мне нравилось его уютное жилище, теплый красный кирпич и деревянные балки под потолком, но я была не готова расстаться с собственным домом и названными родителями, которые столько для меня значили. Другого дома я не знала, и они были

---

³ Fishtown (англ.) — Рыбный район.

моей единственной защитой. Теперь я благодарна Блайт за то, что она отодвинула свадьбу на год, еще и по этой причине. У меня будет время привыкнуть, подготовить себя к тому, чтобы жить с Гэбриелом, проводить вместе дни и ночи. Довериться ему настолько, чтобы не стесняться своих криков, когда снятся кошмары про кровь и трупы.

Кошмары ли это или воспоминания? Я стараюсь думать, что все кончится хорошо, но в глубине души таится вечный страх: что я оставила там, в прошлой жизни? Это как переходить мост, забыв, что осталось за спиной. А если я вспомню, от чего бежала?

10. Блайт

Блайт надела жемчужные серьги-гвоздики и оглядела себя в зеркале туалетного столика. Тонкие морщинки в уголках глаз и одна небольшая между бровей, предвестники старения, стали чуть заметнее, чем в прошлом году. Еще несколько лет, и к ней прилипнет избитая фраза: «Видно, она была чудо как хороша в молодости». Многие ее подруги кололи себе ботокс и филлеры и были довольны, но Блайт этим не интересовалась. Обладая прекрасной кожей от природы, в макияже она довольствовалась каплей автозагара, прозрачно-розовым блеском для губ и, по особым случаям, тушью. Во всем ее облике читалась какая-то легкость: свободная одежда из натуральных тканей, распущенные волнистые воло-

сы без следов укладки, подтянутость и грация в движениях. Иными словами, перед вами была женщина, которая чувствует себя свободно, и вы чувствовали себя свободно в ее компании. «Мне всегда страшно нравилось это качество», — говорил Тед.

Блайт взглянула на часы — до выхода оставалось несколько минут.

— Ты скоро, дорогая? — позвала она Хейли, которая ночевала у них дома и сейчас одевалась наверху.

— Иду, — отозвалась дочь.

В десять часов им предстояло встретиться с Эддисон в «Шанталь Морган Кутюр». Когда Блайт предложила выбраться туда, Эддисон сначала запротестовала. Ей не хотелось тратить массу денег на свадебный наряд, который пригодится только однажды. Зато коллега надумила ее обратиться в прокат одежды. Нельзя сказать, что Блайт претила бережливость; она знала, что многие молодые женщины охотно берут наряды напрокат. Почему нет. Но свадебное платье — особый случай, и она готова купить Эддисон любое, какое ей понравится, только никаких прокатов.

По ступенькам вприпрыжку спустилась Хейли, чьи короткие светлые волосы еще не вполне просохли. Она была высокой и стройной, как мать, и надела темно-синий комбинезон, из-за чего казалась еще выше.

Блайт взяла сумку со столика в холле и направилась к двери.

— Пойдем, не хочу опаздывать.

— Я сгораю от нетерпения, — Хейли села в машину и пристегнулась. — Интересно, какое платье она выберет?

— Хотела бы я, чтобы у Эддисон была хоть четверть твоего энтузиазма, — сказала Блайт, тронув машину с места.

Хейли посмотрела на мать.

— Эддисон не слишком явно показывает свои чувства, мама, ты же знаешь. Это не значит, что ей все равно.

— Боюсь, мне трудно ее понять. Предполагается, что это один из счастливейших периодов в жизни молодой женщины. Она должна сиять от удовольствия. Дарси сияла бы, — сказала Блайт, не отрывая взгляда от дороги.

— Мам, — произнесла Хейли с упреком, — перестань. Гэбриел не женится на Дарси. Он любит Эддисон. Не понимаю, что тебя так мучает.

Блайт крепче сжала руль, но не ответила. Хейли права насчет Эддисон. Может, у нее и нет жизнерадостности Дарси, но откуда ей взяться, учитывая все, что она выстрадала. Если быть честной, нужно признать, что Эддисон обладает большой внутренней силой и даже мужеством, которые заслуживают восхищения. Сравнить ее с Дарси несправедливо.

— А платье подружки невесты вы с Эддисон не обсуждали? — сменила тему Блайт.

— Она только сказала выбрать что-нибудь такое, что мне захочется надеть снова. Не какую-нибудь вычурную тряпку, боже упаси. Но я подожду, пока она выберет свое.

Блайт промолчала. Хейли будет помогать Эддисон одна. Блайт недоумевала, как можно два года прожить в Филадельфии и не познакомиться ни с кем достаточно близко, чтобы пригласить на свадьбу. Что это говорит о способности Эддисон ладить с людьми?

Остаток их короткой поездки Блайт избегала щекотливых тем, а когда они вошли в салон, с одобрением отметила, что Эддисон уже там и разговаривает с владелицей Филиппой Морган.

— А вот и они, — сказала Филиппа, поворачиваясь навстречу вошедшим. — Доброе утро, миссис Оливер. Мы с Эддисон как раз обсуждали, каким она представляет себе стиль платья.

— Пожалуйста, зовите меня Блайт. Это моя дочь Хейли.

Блайт сделала шаг вперед, чтобы обнять Эддисон:

— Привет, милая.

— Спасибо, что все организовали, Блайт, — сказала Эддисон, — это очень любезно с вашей стороны.

— Отлично! Могу я предложить вам кофе или чай? Или, может быть, воды? — щебетала Филиппа.

— Мне не нужно, спасибо, — ответила Эддисон.

Блайт махнула рукой.

— Может быть, позже. Давайте начнем?

— Великолепно. Ну вот, как я уже сказала, мы с Эддисон успели обменяться парой слов о стиле платья, какие модели ей хотелось бы посмотреть. Присаживайтесь, а я пока отведу будущую невесту в примерочную.

Филиппа повернулась к Эддисон.

— С длинным рукавом, верно?

Та кивнула, и Филиппа обратилась к Блайт:

— Скоро мы вам покажемся.

Через несколько минут Филиппа с торжеством вплыла в комнату.

— Предлагаем вашему вниманию первое платье.

Появилась Эддисон и ступила на подиум. Элегантное шелковое платье от Каролины Эрреры со спадающим сзади шлейфом заставило мать и дочь ахнуть. Оно село ровно по фигуре, и Эддисон выглядела головокругительно красивой.

— О боже, — наконец выговорила Блайт. — Не уверена, что нужно мерить что-то еще.

— Фантастика, — подхватила Хейли. — Выглядишь умопомрачительно.

— Я... я не знаю, — сказала Эддисон, вертясь и разглядывая себя со всех сторон.

Сойдя с подиума, она приблизилась к Блайт и тихо произнесла:

— Оно такое дорогое. Я даже не хотела мерить, но Филиппа настаивала.

— И была права. Тебе идеально подходит.

— Но это почти девять тысяч долларов, — с ужасом шепнула Эддисон. — Вряд ли я смогу комфортно чувствовать себя в платье, которое столько стоит.

Поборооть раздражение было нелегко, но Блайт совладала с собой.

— Понимаю, — сказала она и повернулась к Филиппе. — Покажите нам, пожалуйста, платья за одну-две тысячи долларов.

И снова к Эддисон:

— Не возражаешь?

— Простите. Не подумайте, что я вам не благодарна, я очень благодарна. Вы с Тедом невероятно добры ко мне. Просто...

Эддисон опустила глаза, и Блайт поняла, что она еле сдерживает слезы.

— Все нормально, Эддисон. Мы найдем платье, которое тебе понравится, а потом пообедаем в каком-нибудь приятном месте. Не волнуйся.

— Спасибо, — сказала Эддисон, все еще выглядя расстроенной.

Примерив еще одиннадцать нарядов, она выбрала платье похожего стиля, но гораздо дешевле. Смотрелась она в нем чудесно, потому что она смотрелась бы чудесно в любом платье, сказала себе Блайт, но изысканности и элегантности Каролины Эрреры не было и в помине.

— Очень красиво, Эдди. Мне нравится, — сказала Хейли и поднялась на подиум, чтобы взглянуть поближе.

— Правда?

Хейли улынулась, взяла ее за руки и подняла их так, чтобы лучше видеть платье.

— Абсолютно. Идеальный вариант.

Блайт сидела и молча наблюдала за обеими. У них явно было много общего, в том числе любовь к природе. Недаром Хейли потянула Эддисон вместе волонтерить в «Обществе против жестокого обращения с животными». Было ясно, что между ними установились те самые доверительные отношения, которых Блайт не чаяла добиться со своей будущей невесткой и досадовала на это. Она обожала своих детей и всегда предполагала, что будет близка с теми, кого они выберут себе в спутники жизни, и с таким дружелюбным и сердечным человеком, как Дарси, это бы, несомненно, получилось. Эддисон была не то что безучастной, но какой-то боязливой, не раскрывалась навстречу, не подпускала слишком близко.

Блайт вздохнула, мысленно коря себя за критический настрой. Возможно, время все исправит.

Она смотрела, как Хейли перебирает атласные пуговицы на рукаве. Ткань слегка скользнула вверх, и Эддисон отдернула руку, но поздно: и Хейли, и Блайт заметили рваный шрам у нее на запястье. «Боже милосердный, — подумала Блайт, — какие ужасы таятся в прошлом этой женщины?»

11. Эддисон

Легонько стучу в прозрачную дверь и подхожу вплотную, выглядывая на кухне Джиджи.

— Есть кто дома? — зову я, открывая дверь.

Вхожу, и в комнату вбегает Джиджи.

— Привет! Проходи, садись. Как все было вчера? Выбрала платье? Извини, что не смогла освободиться. Так жаль, что мы не пошли вместе.

— Мне тоже. Платье выбрали. Но я забыла об осторожности.

Джиджи хмурит брови.

— Об осторожности? Что ты имеешь в виду?

— Блайт и Хейли видели шрам на руке.

Джиджи откидывается назад в кресле и поджимает губы.

— И что сказала Блайт?

— Ничего, — опускаю глаза, закусив губу. — Но я видела выражение ее лица.

Опять смотрю на Джиджи.